

Константин Михайлович Фофанов

Полное собрание стихотворений

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176039

*Надежда и Осип Манделштам. Полное энциклопедическое собрание
сочинений: ИДДК; 2002*

Аннотация

Константин Михайлович Фофанов родился в Петербурге. Отец поэта был небогатым купцом, торговавшим в столице дровами, дед – олонекский крестьянин. Воспитывался Фофанов в дешевых частных пансионах, хорошего образования не получил. Печататься начал с 1881 г., первая книга его стихотворений вышла в 1887 г. Мрачные десятилетия 80-90-х годов, время политической реакции в стране, время упадка сил и идейного разброда среди русской интеллигенции, наложили на творчество Фофанова свою резкую печать. Фофанов выступал глашатаем «чистого искусства», стремился в своих стихах уйти от пошлой и грубой действительности в мир волшебной мечты. Сын «больного поколения», он чтит порывы борцов за народное благо, сочувствовал бедным и сирым, но в бессилии перед злом лишь противопоставлял ему чистую, поэтическую природу, слагая романтические сказки о цветах и растениях. Поэзия

Фофанова окрашена в минорные тона; для нее характерна особая певучесть, щедрое разнообразие оттенков настроений, запечатленных в их мимолетности, зыбкость и приглушенность лирических образов. Порой его стих, порывистый и нервный, портят банальные «красивости». В 80-е годы Фофанов был одним из популярнейших поэтов. О нем тепло отзывались Лев Толстой, Майков, Чехов, его нежно любил Репин. Фофанов во многом оказался близок символистам, которые объявили его своим предшественником. Жизненный путь поэта был с юности отягощен постоянной нуждой, болезнью, невзгодами. Слава Фофанова к концу его дней уже закатилась. Умер он, оставив большую семью, полунищим.

Содержание

ИСТИНА	8
ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ	10
«Вселенная во мне, и я в душе вселенной...»	12
«Не бойся сумрака могилы...»	13
«Я обращаю речь к вам, выброски природы...»	14
«Потуши свечу, занавесь окно...»	15
«Полураздетая дуброва...»	16
«В кругу бездушном тьмы и зла...»	17
«Весенней полночью бреду домой усталый...»	18
«Это было когда-то давно...»	19
«Погребена, оплакана, забыта...»	20
«Ива с дубом, мечтая, росли у пруда...»	21
В ДИЛИЖАНСЕ	22
«В неприглядных стенах заключен я давно...»	23
«У поэта два царства: одно из лучей...»	24
«Безымянные стремленья...»	25
ТОСТ	26
«Мы при свечах болтали долго...»	27
ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК	28
«Печальный румянец заката...»	30
«Столица бредила в чаду своей тоски...»	31
МАЙ	32
«Уснули и травы и волны...»	34

«Не правда ль, все дышало прозой...»	35
ТАИНСТВО ЛЮБВИ	36
«С тоской в груди и гневом смутным...»	40
«Звезды ясные, звезды прекрасные...»	41
МУЗЕ	42
НЕЖНЫЕ ПИСЬМА	43
ДВА МИРА	44
НЕБО И МОРЕ	45
ЭЛЕГИЯ	46
ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ	47
«Исполнен горького упрека...»	48
ПРИЗРАК	49
МИР ПОЭТА	51
ТЕНИ А.С. ПУШКИНА	53
«Умирала лилия лесная...»	55
«Она цветы свои любила...»	56
«Прекрасна эта ночь с ее красой печальной...»	57
ПЕСНЯ	58
УМИРАЮЩАЯ НЕВЕСТА	59
НА ПОЕЗДЕ	61
К СКАЗКАМ	63
«Она была похожа на тебя...»	64
«Нет, мне не жаль, что умер этот день...»	65
«Забытою весной пахнуло на меня...»	66
ПЕРВАЯ ЗАРЯ	67
«Я родом финн – и гордая свобода...»	69

«Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови...»	71
«Всегда мы чувствуем правдиво...»	72
«Отзвучали струны сердца...»	73
«Я помню дни весенних дум...»	74
«От луны небесной, точно от лампы...»	75
«Свечка догорела, спать давно пора бы...»	76
ДВОЙНИК	77
«Под напев молитв пасхальных...»	79
НАКАНУНЕ ЗИМЫ	80
СТАРЫЙ САД	82
«Шумят леса тенистые...»	84
«Печально верба наклоняла...»	86
«Блуждая в мире лжи и прозы...»	87
СТАРЫЕ ЧАСЫ	88
У ПЕЧКИ	91
ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ	92
СОЛОВЕЙ	94
НА НЕВЕ	95
ОДУВАНЧИК	97
ЗА ГОРОДОМ	99
КОНЧАЕТСЯ!.	101
«Заря вечерняя, заря прощальная...»	104
СМЕРТЬ ШУТА	105
Л. Н. ТОЛСТОМУ	108
В ДОРОГЕ	109
ВДОХНОВЕНИЕ	110

«Вдали, как чуткий страж, почиет лес безмолвный...»	111
СОН	112
ХУДОЖНИК	114
СТАНСЫ	116
«Была ль то песнь, рожденная мечтою...»	117
НЕ ОТХОДИ ОТ МЕНЯ!	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Константин Фофанов

СОБРАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЙ

ИСТИНА

В лохмотьях истина блуждает,
Переходя из века в век,
И, как заразы, избегает
Ее, чуждаясь, человек.
Ее движенья не приветны,
Суровы грубые черты.
И неприглядны и бесцветны
Лохмотья хмурой нищеты.
Она бредет, а с нею рядом,
Мишурным блеском залита,
Гордяся поступью и взглядом,-
Идет лукавая мечта.
Мечта живет кипучим бредом,
Светла, как радужный туман,
И человек за нею следом
Спешит в ласкающий обман.
Но гордый, он не замечает,

Что перед ним, как гений злой,
В лохмотьях истина блуждает,
И дикой ревностью пылает,
И мстит до двери гробовой!

2 января 1880

ИЗ БИБЛЕЙСКИХ МОТИВОВ

Второзаконие, кн. 5, гл. 3

Сосуд с целебною водою Иордана
Я, братья, вам принес. Напейтесь из него,-
И кроткая душа, восторгом обуянна,
Забудет черный день злосчастья своего.
Напейтесь из него и исцелитесь, братья.
Замолкнет стон в груди, замрут в устах
проклятья:
Я вечный мир принес!
С Сионской высоты принес я ветвь оливы;
Коснитесь ее, – бог чудо совершит.
Вы, просветленные, спокойно-горделивы,
Страхнете с ваших ног прах мщенья и обид;
И будет на земле одно святое братство,-
Без гибельных измен, без злого святотатства:
Я истину принес!
Я камень вам принес от древнего Содома,-
Пусть он напомнит вам погибель злых людей;
Пускай та весть пройдет от дома и до дома,
Что я пришел карать неправедных судей.
Иное я хочу устроить в мире царство,-
Без лжи смеющейся, без низкого коварства:

Я правду вам принес!

Пред голосом моим преступник побледнеет;

И в страхе убежит, безумствуя, тиран;

И ветер след его с проклятием завееет.

Рассеется в умах бессмысленный туман;

Слепцы увидят свет, сияющий повсюду;

И станет жизнь тепла ликующему люду:

Я волю вам принес!

Март 1880

«Вселенная во мне, и я в душе вселенной...»

Вселенная во мне, и я в душе вселенной.

Сроднило с ней меня рождение мое.

В душе моей горит огонь ее священный,

А в ней всегда мое разлито бытие.

Благословляет нас великая природа,

Раскидывая свой узорчатый покров,

Приветствуя от вод до шири небосвода

Сияньем алых зорь, дыханием цветов.

Покуда я живу, вселенная сияет,

Умру – со мной умрет бестрепетно она;

Мой дух ее живит, живит и согревает,

И без него она ничтожна и темна.

Апрель 1880

«Не бойся сумрака могилы...»

Не бойся сумрака могилы,
Живи, надейся и страдай...
Борись, пока в душе есть силы,
А сил не станет – умирай!
Жизнь – вековая загадка,
А смерть – забвение ее.
Но, как забвение ни сладко,
Поверь, что слаще бытие.
1880

«Я обращаю речь к вам, выброски природы...»

Я обращаю речь к вам, выброски природы,
Бредущие впотьмах на торжище мирском:
Над вами ласково синеют небосводы,-
Но помните, что в них таится божий гром.
Под вами гладь земли в блистающем уборе,
Но жертвы корчатся под вашею пятой;
В них есть и гнев в груди и зависть есть во взоре,
И вам не избежать расплаты роковой.
В расчетах мелочных вы чахнете безлично,
Молчанье и грабеж – заветный ваш закон.
Суровой правды речь смутит вас непривычно,
Как смех безумного на тризне похорон.
Вы упитали плоть, а дух не ищет хлеба,
От вещих мудрецов бежит преступный взор.
Награбленной казной не купите вы неба,
Слезами бедняков не смоее позор!
Пусть услаждает лесть ваш слух, пускай оравой
Глупцы бегут вослед, моля добра от вас;
За вами – сатана с улыбкою лукавой,
Пред вами – мщенья грозный час!

6 февраля 1881

«Потуши свечу, занавесь окно...»

Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись давно.
Только мы не спим, самовар погас,
За стеной часы бьют четвертый раз!
До полуночи мы украдкою
Увлекались речью сладкою:
Мы замыслили много чистых дел...
До утра б сидеть, да всему предел!..
Ты задумался, я сижу – молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..
Сентябрь 1881

«Полураздетая дуброва...»

Полураздетая дуброва,
Полуувядшие цветы,
Вы навеваете мне снова
Меланхолические мечты.
И так идут они к туманам,
Так дружны с сумраком небес,
Как крест – с кладбищенским курганом,
Как сказка – с прелестью чудес!
10 октября 1881

«В кругу бездушном тьмы и зла...»

В кругу бездушном тьмы и зла,
Где все – ханжи и лицемеры,
Где нет ни искры теплой веры,
Ты родилась и выросла.
Но ложь коснуться не посмела
Твоей духовной чистоты,
Иного ищешь ты удела,
К иным мечтам стремишься ты.
Напрасно! Нет тебе исхода,
Родным ты кажешься чужой,
И только чахнешь год от года
За бесполезною борьбой.
Так незабудка голубая
На топком берегу болот,
Свой скромный запах разливая,
Никем не зримая цветет.
1881

«Весенней полночью бреду домой усталый...»

Весенней полночью бреду домой усталый.
Огромный город спит, дремотою объят.
Немеркнувший закат дробит свой отблеск алый
В окошках каменных громад.
За спящею рекой, в лиловой бледной дали,
Темнеет и садов и зданий тесный круг.
Вот дрожки поздние в тиши продребезжали,
И снова тишина вокруг.
И снова город спит, как истукан великий,
И в этой тишине мне чудятся порой
То пьяной оргии разнузданные крики,
То вздохи нищеты больной.

3 февраля 1882

«Это было когда-то давно...»

Это было когда-то давно!

Так же ты мне шептала: “Молчи”.

И роняло косые лучи

Заходящее солнце в окно.

Или сон позабытый пришел

Так внезапно на память мою?

Или миг, что сейчас я обрел,

Тайно в сердце давно уж таю?

Заходящее солнце в окно

Золотые роняет лучи.

Ты чуть слышно шепнула: “Молчи”.

Это было когда-то давно!

5 марта 1882

«Погребена, оплакана, забыта...»

Погребена, оплакана, забыта,
Давно в земле покоится она.
А кем судьба неопытной разбита,-
Тем жизнь, как встарь, привычна и красна.
В чертогах их цветы, сиянье, пенье
Тревожат нас соблазнами досель...
И страшно им гнилого гроба тленье,
Их бедных жертв суровая постель...
Август 1882

«Ива с дубом, мечтаю, росли у пруда...»

Ива с дубом, мечтаю, росли у пруда...
Дуб тянулся все к небу прекрасному,
Где веселые звезды под вечер всегда
Зажигались светить миру страстному.
Ива вниз наклонялась к зеркальным струям,
К тем струям, что светила несметные
Отражали в себе по осенним ночам
Да журчали сказанья приветные.
Не дорос дуб до тверди небес голубой,
Ива ветки зеленые выгнула
И коснулась воды, и омылась водой,
А горящих светил не достигнула.
Август 1882

В ДИЛИЖАНСЕ

Под вечер улицею грязной
Плетется тряский дилижанс.
Я еду... В слухе неотвязно
Звенит затверженный романс.
Я тихо грежу и украдкой
Дремлю, забившись в уголок;
И так мне радостно, так сладко,
Так я мечтой от всех далек!
И снится мне: сверкает зала,
Вкруг молодежь, а я уж сед.
Шипит вино в стекле бокала,
И шлю я юношам привет.
Они речам моим внимают,
Они растроганы до слез,
И седину мою венчают
Гирляндой девственной роз!
Исчезли грезы... Блещет город
Рядами тусклых фонарей...
Я одинок. Я снова молод
И еду в круг моих друзей!

6 декабря 1882

«В неприглядных стенах заключен я давно...»

В неприглядных стенах заключен я давно;
Яркий месяц глядит безучастно в окно,
И решетка окна полосатым пятном,
Словно призрак, легла на полу земляном.
За стеною моей заключенный сосед
Всё о волюшке вольной поет много лет,
А в полночь с мостовой, безрассветна как мрак,
Мне доносится песнь запоздалых гуляк;
О неволе та песнь, о неволе крутой,
Что раскинулась вширь за тюремной стеной.
Я сижу и грущу. Вкруг тоскующий вид,
Яркий месяц в окно безучастно глядит;
И решетка окна полосатым пятном
Точно призрак легла на полу земляном.

Декабрь 1882

«У поэта два царства: одно из лучей...»

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет – лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница ненастное.
В темном царстве влачится ряд пасмурных
дней,
А в лазурном – мгновенье прекрасное.
1882

«Безымянные стремленья...»

Безымянные стремленья,
Безотчетные порывы,
Молодого вдохновенья
И приливы и отливы...
Где конец ваш, где начало?
И откуда ваша сила?
Не змеиное ли жало
Вас отравой напоило?
Не волна ль седая моря
В вас бушует бесконечно?
Нет! Вы – плач чужого горя,
Эхо немощи сердечной...
1882

ТОСТ

Друзья! Я тост провозглашаю
За тех, кто смелою душой
Служил измученному краю
И шел за правду смело в бой!
Кому не чужды были муки
Осиротелых горемык,
Кто креп в борьбе, ясна в науке,
Кто был и в бедности – велик!
За все грядущее, святое,
Чья не прошла еще пора,
Но чье забьется ретивое
Для правды, мира и добра!..
1882, 1905

«Мы при свечах болтали долго...»

Мы при свечах болтали долго
О том, что мир поработен
Кошмаром мелочного торга,
Что чудных снов не видит он.
О том, что тернием повита
Святая правда наших дней;
О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей.
Но на прощанье мы сказали
Друг другу: будет время, свет
Блеснет, пройдут года печали,
Борцов исполнится завет!
И весь растроганный мечтами,
Я тихо вышел на крыльцо.
Пахнул холодными волнами
Осенний ветер мне в лицо.
Дремала улица безгласно,
На небе не было огней,
Но было мне тепло и ясно:
Я солнце нес в душе своей!..

6 мая 1883

ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК

Видишь, сыплют цветы, зажигают огни,
Но мне чужд этот праздник нарядный,
И на шумные дни, на безумные дни
Я взираю с тоской безотрадной.
Слышишь, клики слились с непрерывной
пальбой,-
То салютуют счастью чужому.
Праздник весел. Толпа вслед бежит за толпой
Подивиться и блеску и грому.
Пусть ликует, кто может беспечно теперь
Ликовать! Я печален не в меру.
И отчаянье, этот прожорливый зверь,
В сердце смяло восторги и веру.
Молча я прохожу меж цветов и огней,
На другие красоты смотрю я.
На картины, что ночи осенней темней,-
Там, где бедность ютится, горюя.
Там, где плач, где борьба, где погубленных сил,
Как на небе звезд ярких, не счесть нам;
Где так много души и так много могил,
Где нет места молитвам и песням.
Я мечтаю – безумны и страстны мечты.
Мнится, если б порвались разом

Этих пышных гирлянд расписные цветы
И огни, что сверкают алмазом,
Вдруг померкли б, и музыки звучной волна
На полноте свой гимн перервала,
И толпа, отомщеньем безумно пьяна,
Новый праздник мгновенно создала,-
О, тогда бы огнем загорелась душа,
Смолкли б в сердце моем укоризны,
И, навстречу свободному клику спеша,
Стал бы праздновать праздник отчизны!..

28 июля 1883

«Печальный румянец заката...»

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели.
Душа моя грустью объята,-
В ней звуки любви отзвенели.
В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страждет,-
Так сильно, мучительно сильно
И песен и слез оно жаждет.

Август 1883

«Столица бредила в чаду своей тоски...»

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.
Движенью пестрому не виделось конца.
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.
Я шел рассеянно: аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.
Я видел серебро сверкающих озер,
Сережки вербы опушённой,
И серых деревень заплаканный простор,
И в бледной дали лес зеленый.
И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незлобивой моей
Мне в душу слал благословенье.

Октябрь 1884

МАЙ

Бледный вечер весны и задумчив и тих,
Зарумянен вечерней зарею,
Грустно в окна глядит; и слагается стих,
И теснится мечта за мечтою.
Что-то грустно душе, что-то сердцу больней,
Иль взгрустнулося мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.
Там, за душной чертою столичных громад,
На степях светозарной природы,
Звонко птицы поют, и плывет аромат,
И журчат сладкоструйные воды.
И дрожит под росой душистых полей
Бледный ландыш склоненным бокалом,-
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.
Дорогая моя! Если б встретиться нам
В звучном празднике юного мая-
И сиренью дышать, и внимать соловьям,
Мир любви и страстей обнимая!
О, как счастлив бы стал я любовью твоей,
Сколько грез в моем сердце усталом
Этот май-баловник, этот май-чародей

Разбудил бы своим опахалом!...

1 мая 1885

«Уснули и травы и волны...»

Уснули и травы и волны,
Уснули и чудному внемлют,
И статуи дремлют безмолвно,
Как призраки дремлют.
И полnochь крылом утомленным
Трепещет легко и пугливо
По липам, по кленам зеленым,
По глади залива.
Сквозь ветки луна молодая
Бросает снопы позолоты,
Ревнивым лучом проникая
В прохладные гроты.
И бродят в серебряном мраке
Толпою стыдливые грезы,
Роняя на сонные маки
Прозрачные слезы.
Заслушалась роза тюльпана,
Жасмин приклонился к лилее,
И эхо задумалось странно
В душистой аллее.

19 июня 1885

«Не правда ль, все дышало прозой...»

Не правда ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.
И друг влюбленных – месяц ясный-
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри – в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укро́мный уголок!..
В них белопенные каскады
Шумят, свергаясь с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.
В них ты – блистательная фея;
В них я – восторженный боец-
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

Июнь 1885

ТАИНСТВО ЛЮБВИ

Господь карающий, бог грозный Иудеи,
Бог в дымной мантии тяжелых облаков,
Бог, шумно мечущий огнистых молний змеи
На избранных сынов;

Бог созидающий, чтобы разрушить снова
Созданье рук своих, как злой самообман;
Бог, славы ищущий у племени людского,
Бог-деспот, бог-тиран!

Бог, проносившийся грозою над Сионом,
Испепеливший в прах Гоморру и Содом;
Бог, улыбавшийся над кесаревым тронном
И тяготевший над рабом!

Бог, проносившийся заразой над пустыней
И забывавший гнев при сладостных псалмах
В душистом сумраке благоговейных скиний
На цветоносных алтарях;

Бог, крови жаждущий и слушающий речи
Слепого демона сквозь райские врата,-
Бог, этот грозный бог неумолимой сечи,
Родил смиренного Христа,
Святого, кроткого, властительного сына,
Все возлюбившего бессмертною душой,
Кто умер на кресте, чья мирная кончина

Зажглася вечною звездой;
Зажглася, чтоб озарять мир мрака и печали
И поучать людей смиренью и добру,
Чьи чудные персты недужных исцеляли,
Едва приблизившись к их смертному одру...
И этот мирный сын властительного бога
Пришел в мир бедняком, – не царская парча,
Не складки пурпура, не бархатная тога
Спускались с бледного плеча...
О, как блаженно тих, любвеобильно мирен
Был бог, громовый бог, когда в дыму кадил,
Под пение молитв, пройдя ряды кумирен,
В ложницу девы он вступил.
И как была чиста безгрешная Мария
В своем счастливом сне на девственном одре,
Как улыбались уста ее живые
И богу и заре!
Все в храмине ее дышало тишиною,
Румяный луч зари струился в полумглу
Сквозь занавес окна и алой полосой
Ложился на полу;
И на ковре ее разбросанные ризы
Луч солнечный лобзал, скользя по ним змеей,
И шумно под окном на фрески и карнизы
Взлетали ласточки веселою семьей.
Тогда к ней бог вошел! Он не тревожил сладкий,

Прекрасный сон ее, исполненный чудес,
Он только колыхнул бесчувственные складки
Малиновых завес.
Он только опاخнул стыдливые ланиты,
Он только осенил безгрешное чело,-
И были новые ей помыслы открыты,
И даль грядущего разверзлася светло...
Со смутною тоской проснулася Мария,
С раздумьем на челе пошла в росистый сад,
Где пели хоры птиц, где маслины густые
Струили аромат.
И солнцу ясному и радостному шуму,
Вокруг звучащему, внимала, и порой
Неволью думала таинственную думу
О райском чудном сне, смутившем ей покой,
И плакала она!.. Вдруг голубь белоснежный
Внезапно выпорхнул из синей вышины,
И закружил над ней, воркуя с лаской нежной,
И поняла она пророческие сны.
И поняла она, что пышное убранство
Природа с этих пор кладет к ее ногам
И что под куполом небесного пространства
Весь мир, весь божий мир – ее заветный храм.
Что только ей кадят душистые растенья,
Что только ей – зари волшебный перелив,
И в девственной груди разлился вдохновенья

Задумчивый прилив...

А голубь все кружил! – То был все тот же грозный,
Самодержавный бог, молниеносный бог!

Теперь он не метал стрелу из выси звездной,
Он не хотел, не мог!

Он понял мир земной, погрязший в тьме полночной;
Он стал его отцом, бессмертный и благой,
Теперь очищенный любовью непорочной
И освященный сном невинности земной!..

5 сентября 1885

«С тоской в груди и гневом смутным...»

С тоской в груди и гневом смутным,
С волнением, вспыхнувшим в крови,
Не поверяй друзьям минутным
Печаль осмеянной любви.
Им все равно... Они от счастья
Не отрекутся своего,
Их равнодушное участие-
Больней несчастья самого!..

8 октября 1885

«Звезды ясные, звезды прекрасные...»

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.
И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные,-
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.
И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.
И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!..

Декабрь 1885

МУЗЕ

Верная спутница жизни печальной,
Ты мне одна изменить не могла;
Первая факел зажжешь погребальный,
Пот в час кончины омоешь с чела.
Станешь, как няня, ты с песнью унылой
Смолкшие струны искать в мертвеце,
Будешь одна тосковать над могилой
С царственной грустью на юном лице.
Станешь душистой весной-невидимкой
Дерн надмогильный смиренно топтать;
Будешь в час ночи под месячной дымкой
Чудные сказки о жизни шептать;
С теплым участием в задумчивом взгляде
В мой опустевший зайдешь уголок,
Перья одуешь, раскроешь тетради
И, прослезившись, уйдешь за порог.
1885

НЕЖНЫЕ ПИСЬМА

Перебирая вновь украдкой
Все письма нежные твои,
Я окрылен был местью сладкой
И упоен тоской любви.
Я говорил небесным высям:
“Сотрите бурей и грозой
Слепые знаки этих писем,
Так чудно лгавших предо мной”.
Я говорил свечам горящим:
“Пожрите их своим огнем,-
И пусть не лжет мне в настоящем
Раз обманувшее в былом.
Развейте их налетом шумным”, -
Я буйно ветры умолял,
Но сам я в бешенстве безумном
Их уничтожить не дерзал.
Так жаждет зла и разрушенья
Былым святыням ренегат
В час малодушного моленья,
Тоской и трепетом объят.
18 января 1886

ДВА МИРА

Там белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признание и мечты,
А здесь – борьба за призраки свободы,
Здесь горький плач и стоны нищеты!
Там – свет небес и радужен и мирен,
Там в храмах луч негаснувшей зари.
А здесь – ряды развенчанных кумирен,
Потухшие безмолвно алтари...
То край певцов, возвышенных как боги,
То мир чудес, любви и красоты...
Здесь – злобный мир безумья и тревоги,
Певцов борьбы, тоски и суеты...

7 апреля 1886

НЕБО И МОРЕ

Ты – небо темное в светилах,
Я – море темное. Взгляни:
Как мертвецов в сырых могилах,
Я хороню твои огни.
Но если ты румяным утром
Опять окрасишься в зарю,
Я эти волны перламутром
И бирюзою озарю.
И если ты суровой тучей
Нахмуришь гневную лазурь,
Я подыму свой вал кипучий
И понесусь навстречу бурь...

3 июня 1886

ЭЛЕГИЯ

(Из траурных песен)

Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски:
Не все я выплакал мечты,
Не все поведал миру сказки.
Не допил я любовных снов
Благоуханную отраву,
И не допел своих стихов,
И не донес к сединам славу.
А как был ясен мой рассвет!
Как много чувств в душе таилось,
Но я страдал, я был поэт,
Во мне живое сердце билось.
И пал я жертвой суеты,
С безумной жадой снов и ласки!
Мои надгробные цветы
Должны быть розовой окраски!

29 августа 1886

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

В броженьи юности капризной,
Под лепет музы молодой
Я грезил милою отчизной,
Как отрок юною женой.
Тогда мечта мечту рождала,
И жизни смутные черты
Под легким флером покрывала
Блистали солнцем красоты.
И, все нечистое стыдливо
От взора юного тая,
Отроковицею счастливой
Являлась родина моя.
Теперь то время миновало,
Мечта недвижна и мертва,-
И сердцу родина предстала
Осиротелой, как вдова.
И за нее в часы сомненья
Страдает молча, не спеша:
В горниле страсти и волненья
Перегоревшая душа.

Сентябрь 1886

«Исполнен горького упрека...»

Исполнен горького упрека
За злую повесть прежних лет,
За сон безумства и порока,
Я на ее гляжу портрет.
Я вновь люблю, страдая страстно,
И на меня, как в день обид,
Она взирает безучастно
И ничего не говорит.
Но к ней прикованный случайно,
Я не свожу с нее очей...
В ее молчаньи скрыта тайна,
А в тайне – память прошлых дней...
Октябрь 1886

ПРИЗРАК

Как сторож чуткий и бессменный-
Во мраке ночи, в блеске дня,-
Какой-то призрак неизменный
Везде преследует меня.
Следит ревнивыми очами
В святом затишье, в шуме гроз
И беспокойными речами
Перебивает шепот грез.
Иль вслед беззвучною стопою
Бредет остывшим мертвецом
И машет ризой гробовою
Над разгоревшимся лицом.
Иль, грустью душу наполняя,
Молящим голосом зовет
Под сень неведомого края,
В иную жизнь, в иной народ.
Ищу ли в жизни наслаждений,
Бегу ль в святилище мечты-
Всё тот же облик бледной тени,
Все те же смутные черты.
Кто ты, мой друг, мой гость незванный,-
Жилец эфира иль земли?
От духа горного созданный

Иль зародившийся в пыли?

Куда влечешь ты: к жизни стройной

Или в мятущийся хаос?

И что ты хочешь, беспокойный,-

Молитв, проклятий или слез?!

1886

МИР ПОЭТА

По шумным улицам, в живой толпе народа,
В вертепах праздничных разврата и гульбы,
Среди полян кладбищ, где гневная природа
Венчает зеленую гробы;
Во мраке темных рощ, в кудрявой чаще леса,
Где мягко бродит тень от сосен и берез,
Где звонче хрустали эфирного навеса
При вспышке майских гроз;
У тихоструйных вод, где тощую осоку
Лобзает беглых волн обманчивый прибой,
В пустынях, где земля завистливому оку
Грозит небесною стеной,
И там, где скалы гор в бессмертном изваянии
Застыли навсегда под божеской рукой,-
Везде поэт, как царь, как гордый царь в изгнании,
Томится мощною душой...
Он носит мир в душе прекраснее и шире,
Над ним он властвует, как вдохновенный бог,
А здесь, в толпе людской, в слепом подлунном мире,
Он только раб тревог...
И душно здесь ему, и больно пресмыкаться...
Он любит солнце грез, он ненавидит тьму,
Он хочет властвовать, он хочет наслаждаться,

Не покоряясь ничему.

Он хочет взмахом крыл разбить земные цепи,

Оставить мрак земной в наследие глупцам...

Со стрелами зарниц блуждать в небесной степи

И приобщаться к божествам!

1886

ТЕНИ А.С. ПУШКИНА

Ты мне близка, родная тень,
Близка, как близки небу птицы,
Близка, как розам – вешний день,
Как тучам – быстрые зарницы.
Не помню я, когда твой дух
Ко мне вошел стопой неслышной,
Когда впервые стих твой пышный
Благословил мой детский слух!
То было ль раннею весною,
Когда живей тревожат сны
И ночи белые полны
Обворожительною мглою?
Когда я, бледный, у окна
Сидел в молчании глубоком
И созерцал прилежным оком,
Как в небе теплилась луна.
Иль в час утра, когда как розы
На небе рдели облака
И пробужденные березы,
Страхнув росы целебной слезы,
Внимали вздохам ветерка?
Иль в час, когда, гудя метелью,
В окно стучалась зима

И над моею колыбелью
В снах колдовала полутьма?
Во сне ли было то свиданье
Иль наяву, при свете дня?
Как тайна смерти от сознания,
Тот час утерян для меня
И нет о нем воспоминанья!
Но только помню, что с тобой
Меня знакомил кто-то чудный,
Какой-то гений неземной,
Какой-то демон безрассудный.
И близок ты с тех пор мечтам,
Как близок белый ландыш маю.
Тебе молюсь, тебе внимаю
И за тобой стремлюся сам.
Моя душа тобой согрета,
Ты в ней царишь, как юный день...
Ты мне близка, родная тень
Благословенного поэта!

9 января 1887

«Умирала лилия лесная...»

Умирала лилия лесная,
Умирала в радужном букете
И дрожала, трепетно мечтая
О румянном, благовонном лете.
Снилась ей тропинка в темной чаше,
Свет зари янтарный в небосклоне,
Свет зари, приветливо дрожащий
На речном колеблющемся лоне.
И, поникнув венчиком атласным,
Так тепло, так искренне вздыхала,
Что эфир смущенный наполняла
Сном своим предсмертным, но
прекрасным!..

Февраль – март 1887

«Она цветы свои любила...»

Она цветы свои любила
И поливала их сама.
В ее теплицу не входила
Губить их гневная зима.
И при мерцаньи звезд полночных
Она пила их аромат,
Смотря, как в венчиках цветочных
Росинки светлые дрожат.
И в час, когда, простясь с землею.
И бездыханна и бледна,
Под золоченою парчою
В гробу покоилась она,
Цветы, исполнены печали,
Приникли к мертвому челу
И в ароматах изливали
Ей скорбь и позднюю хвалу...
Май 1887

«Прекрасна эта ночь с ее красой печальной...»

Прекрасна эта ночь с ее красой печальной,
С ее мечтательным, болезненным лицом.
О, если б жизнь цвела, как этот отблеск дальний
Померкнувшей зари на небе голубом!
О, если б дум моих неверное течение,
Как эти облака, стремилось в глубь небес,-
Какое б подарил тебе я вдохновенье!
Какой бы мир открыл, мир красок и чудес!
Но жизнь моя темна и дума безотрадна,
Как облетелый сад – пуста моя душа,
И ходит ветер в нем стремительно и жадно
И гнет вершины лип, порывисто дыша.
Я не пущу тебя в мой сад осиротелый-
Там осень, там туман, а здесь перед тобой
Сияние весны и этот отблеск белый
Лазури голубой!..

Май 1887

ПЕСНЯ

Заперты ворота,
Спущен с цепи пес.
Листья золотые
Сыплются с берез.
Сердце тихо плачет,
Плачет и поет,-
Посмотри, стучится
Милый у ворот.
Как я выйду ночью
Сени отворю?
Вышел месяц ясный
Проводить зарю.
Заперты ворота,
Спущен с цепи пес.
Путь-дорогу ветер
Листьями занес!
Июнь 1887

УМИРАЮЩАЯ НЕВЕСТА

“Матушка! Я слышу, кто-то шепчет сладко,
Кто-то за стеною там поет давно...”
– “Спи, моя родная! Спи, моя камчатка!
Это дождь осенний хлещется в окно”.
– “Матушка! Скорее отвори окошко...
Слышишь ли, подъехал милый мой к крыльцу?
Поведи к окошку, посмотрю немножко,-
Он ли, – я узнаю сразу по лицу!...”
– “Нет, моя голубка, это шепчут нивы,
Это расходились волны по реке...”
– “Матушка, мы в церкви! Мы теперь счастливы!
Перстень обручальный блещет на руке...
От свечей венчальных темное мерцанье
Жаром обвеваает щеки и чело...
Как народу много! Мне теснит дыханье...
Матушка! Не правда ль, в церкви как светло!”
Потупивши очи и глотая слезы,
Мать не отвечает дочери своей.
Перед нею реют сумрачные грезы,
Сумрачные грезы, полночи темней.
Видит она церковь, только не с налоем,
Без свечей венчальных... и глядит на дочь,
Дышашую тяжело, пышущую зноем,-

В эту ночь глухую, пасмурную ночь.

7 июля 1887

НА ПОЕЗДЕ

Мы мчимся, как стрела, – все мимо нас летит,
В глазах бесследно исчезая,
А поезд все вперед стремится и стучит,
Броней железной громохвая.
Вдали синее лес неровною стеной,
Над ним кудряво выются тучи,
Мелькает телеграф решеткою стальной
И зеленеющие кручи.
Мелькнуло кладбище. Белеют я кресты,
Угрюмо смотрят мавзолеи...
И вновь по сторонам канавки и кусты
Да редко – темные аллеи.
На нивах зыблется пшеница и овес,
Пестреют гряды в огороде,
И грустная семья задумчивых берез
Белеет а дружном хороводе.
Всё мимо! Все летит, как вольная мечта,
Как жизнь с обманчивыми снами;
И только светлая лазури высота
Горит незыблемо над нами.
И тусклая луна, бледна как первый снег
В лучах вечернего заката,
Следить не устает наш торопливый бег,

Печалью тайною объята...
Так жизнь вперед летит, — летит, как паровоз,
Меняя сны и впечатленья,
И сыплет искрами живые чары грез,
И стелет дымом увлечения.
И все бежит вперед, без устали бежит...
И лишь сомненья призрак вечный,
Как бледная луна за поездом, следит
За нашей жизнью скоротечной.

28 июля 1887

Гатчина

К СКАЗКАМ

Мне веет светлым волхвованьем,
Веселой зеленью долин,
Ключей задумчивым журчаньем
От русских сказок и былин!
Прекрасен сказок мир воздушный-
К нему с младенчества привык,
Мне мил и дорог простодушный,
Животворящий их язык.
Вступаю с трепетом священным
Под кров радушной старины,
Передаю струнам смиренным
Ее младенческие сны.
И пусть – полны цветной окраски,
Осенены прозрачной мглой-
Летят задумчивые сказки
Разнообразною толпой
От арфы стройной и покорной,
Как стая белых лебедей,
Заслыша визг стрелы проворной,
Летит со спугнутых зыбей.

30 июля 1887

«Она была похожа на тебя...»

Она была похожа на тебя,
В ее очах лучи сверкали те же.
Но, милый друг, она смеялась реже,
Она жила не веря, не любя...
В ее щеках румянец не играл,
Как у тебя, – он вспыхивал порою...
Единою блистали вы красою,
Но разный пламень души волновал.
Так тучки две в лазури золотой
Плывут, сходны по трепетным изломам,
Но теплый дождь одна несет с собой,
Другая – град с молниеносным громом.
Июль 1887

«Нет, мне не жаль, что умер этот день...»

Нет, мне не жаль, что умер этот день,
Что мирная природа засыпает
И вечер шлет лазоревую тень,-
В моей душе угасший день сияет!
Оставил он свой отблеск золотой
В моих мечтах, согретых теплой лаской,
Обворожив блистательною сказкой,
Навек живым остался он со мной...
Пройдут года... Сквозь мглу почивших лет,
В дни черные, в дни скорби предзакатной,
Он будет мне бросать свой теплый свет
На темный путь, как гений благодатный...
Так в небесах померкшая звезда
Чрез много лет по смерти блещет миру...
Она тепла для смертного тогда,
Но холодна далекому эфиру.

Июль 1887

«Забытою весной пахнуло на меня...»

Забытою весной пахнуло на меня!

Я вновь у светлых чар во власти,

Душа моя полна мятежного огня,

Полна избытком чистой страсти.

Забытая весна – с ее роскошным сном,

С ее веселыми лучами-

В дождливый вечер мне мерцает за окном

И тихо реет над мечтами.

И сердце, как струна, и плачет, и поет,

И вдруг томится болью жгучей,

И трепетно дрожит, как лоно синих вод

Под набегающею тучей.

Июль 1887

ПЕРВАЯ ЗАРЯ

Мне было года три, когда впервые я
Почувствовал душой всю прелесть бытия,
Когда сознание мелькнуло метеором,
И я вокруг себя окинул ясным взором.
Был вечер. Таяла веселая заря,
Все светом розовым приветно озаря,
Ложилась косо тень; по яблоням и липам
Чуть ветер пробежал; и шмель с гудящим шипом,
Качаясь на цветке акации густой,
Пугал меня своей мохнатою спиной.
В нагретом воздухе струился запах тмина,
Настурций и гвоздик; и тихо паутина
Качалась серою, чуть видною струной
Меж гроздий наливных рябины молодой...
Мне было хорошо. С восторгом ненасытным
Я с нянею бродил, и раем первобытным
Казался мне наш сад, наш скромный, тощий сад,
Взросший в улице меж каменных громад.
Я жадно слушал шум задумчивых берез,
И за оградю веселый треск колес,
И ближней фабрики свисток, стнящий звонко,
И каждый звук томил загадкою ребенка.
Но гаснет блеск зари, свежей в саду зеленом:

Багряный небосклон стал сизым небосклоном
И даль туманная, сквозь сень густых берез,
Подернулась каймой серебряных полос,
И в глубине небес лазоревым сапфиром
Далекая звезда зажглась над спящим миром.
К ночлегу, каркая, летит семья ворон,
И тихо ночь плывет, плывет со всех сторон,
Из каждого куста дыша росистой мглою
В горячее лицо... И с робкою мечтою
На небо синее внимательно смотрю,
Сгорая жаждою увидеть вновь зарю,
Потерянную в тьме, но давшую мне много:
Всю прелесть тайную небесного чертога,
Все чары шумные мятущейся земли,
Так бледные вблизи, так яркие вдали!..

...

Но что я дам взамен природе необъятной
За сон житейский свой, святой и благодатный,
Что, оставляя жизнь, я миру подарю,
Встречая кроткую, последнюю зарю?!

5 августа 1887

«Я родом финн – и гордая свобода...»

Я родом финн – и гордая свобода
Моей душе с младенчества родна,
Но в мире зла ей не найти исхода.
Моя душа, как финская природа,
Однообразна и грустна.
Где на камнях гранитного уступа
Печальных сосен высится семья,
Где степь слепит красою мертвой труппа,
Где сохнут мхи, где солнце светит скупом –
Там родина моя!
Там, между скал, мои скучали деды;
Закинув невод в беглую волну,
Вполголоса певали про победы,
Иль сумрачно вели свои беседы
У очагов, вкушая тишину.
В суровый час ожесточенной бури,
Когда метель гудела по полям
И падал снег с нахмуренной лазури,
Они, сидя в густой медвежьей шкуре,
Вверялись таинственным мечтам.
И я таю в душе своей печальной

Их гордую, мечтательную лень,
И я суров; люблю я лед хрустальный,
И хохот выюг, безумно музыкальный,
И от сосны узорчатую тень...
В моей душе, под песни назревая,
Прекрасных дум теснятся семена.
И я мечусь, душой изнемогая,
Как водопад полуночного края,
Как финских вод стесненная волна.
Там водопад, сверкая пеной млечной,
Стремится вдаль, и ропщет, и шумит...
И плачет он, и бьется в злобе вечной,
Но холодно борьбе его сердечной
Внимает сумрачный гранит...

12 сентября 1887

«Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови...»

Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови
Из мира светлых чар и царственной любви...
В нем все знакомо мне, все мило с колыбели-
И звучных соловьев раскатистые трели,
И розы белые, и белые стихи...
Я их люблю мучительной любовью,
Как любит старость юные грехи...
Доступны только мне те страны неземные,
Их звонкие ручьи, их гроты голубые,
Их звезды бледные, как блеск моих очей,
Их темные леса, как скорбь души моей,
Их волны звучные, как стих мой перекатный,
И пышный их цветник, как греза ароматный,
Где реют и жужжат элегии свои
На утренней заре тяжелые шмели...
И даже мшистые руины и могилы
Их сумрачных степей мне дороги и милы,
Как лоскутки знамен — для дряхлого бойца,
Как песня старая — для нового певца...

16 октября 1887

«Всегда мы чувствуем правдиво...»

Всегда мы чувствуем правдиво,
Но ложно мыслим мы подчас.
И от очей ума ревниво
Хороним взор духовных глаз.
Но, друг, живя, не мудрствуй ложно,
Не удивляйся ничему:
Постигнуть сердцем все возможно
Не постижимое уму.
Ноябрь 1887

«Отзвучали струны сердца...»

Отзвучали струны сердца,
Догорели краски дня;
Нет огней в природе сонной,
Нет в душе моей огня.
Только где-то сиротливо
В бледном сонме дум моих
Брезжит свет воспоминанья,
Как звезда небес ночных.
И томительно и сладко
Воскресают предо мной
Слезы прежнего страданья,
Песни радости былой...
Так последним блеском тлеет
Под золою уголек,
Так под первым снегом дышит
Поздней осени цветок!

Ноябрь 1887

«Я помню дни весенних дум...»

Я помню дни весенних дум-
Дни беспечального рассвета,
Когда гордился детский ум
Священным именем поэта.
Восторг кипел в моей груди,
Я пел в волнении веселом;
И счастье, счастье впереди
Сияло светлым ореолом.
Увяли вешние цветы,
Померкли розовые зори,
Умчалась юность, и мечты
Сменило будничное горе.
Печаль свила гнездо в груди,
И песнь звучит моя тоскою,
И счастье, счастье позади
Мерцает бледною звездою...

6 декабря 1887

«От луны небесной, точно от лампы...»

От луны небесной, точно от лампы,
Белый и прозрачный блеск разлит. Вдали
Темные аллеи, полные прохлады,
Шепчутся о тайнах неба и земли...
Где-то торопливо скрипнула калитка.
Кто-то раздвигает влажную сирень...
Вон в саду мелькнула белая накидка,
В озаренной чаще проскользнула тень...
Нет, вокруг все тихо! Это только греза!
За окошком осень. Это шепчет мне
В ароматной дреме молодая роза,
Тихо увядая на моем окне...
1887

«Свечка догорела, спать давно пора бы...»

Свечка догорела, спать давно пора бы.
Ты поник головкой, закрываешь глазки,
А еще все хочешь слушать наши сказки,
Как в лесу дремучем у колдуньи-бабы
Закипает в чанах много страшных зелий,
Как Иван-царевич едет к чародею,
Как в потоке шумном посреди ущелий
Он встречает Лебедь – ласковую фею.
О дитя, поверь нам: нет прекрасней сказки
Той, которой учит нас судьба-старушка.
Так забудь же бред наш, так закрой же глазки:
Ждет тебя постелька, ждет тебя подушка.
1887

ДВОЙНИК

Ночь осенняя печальна,
Ночь осенняя темна;
Кто-то белый мне кивает
У открытого окна.
Узнаю я этот призрак,
Я давно его постиг:
Это – бедный мой товарищ,
Это – грустный мой двойник.
Он давно следит за мною,
Я давно слежу за ним,
От него мне веет смутно
И небесным и земным.
Он являлся мне весною
При мерцании зарниц;
Он на оргиях встречался
И встречался у гробниц.
Жаль ему меня покинуть,
Мне его оставить жаль:
Он делил со мной, бывало,
Одинокую печаль...
И теперь он грустно бродит,
И уйти боится прочь
От раскрытого окошка

В эту пасмурную ночь.
И листвою пожелтевшей
Осыпает мне окно
В эту ночь, когда на небе
И на сердце так темно!..
1887

«Под напев молитв пасхальных...»

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краев.
В зеленеющем уборе
Млеют темные леса.
Небо блещет – точно море,
Море – точно небеса.
Сосны в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.
И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком!
1887

НАКАНУНЕ ЗИМЫ

Еще на ветке помертвелой
Дрожит, как сказочный коралл,
Багряный лист, но иней белый
Уж кровли блестками убрал...
Недолго ждать! Ручей прозрачный
Замедлит свой журчащий бег,
И на него фатою брачной
Небрежно ляжет первый снег.
И солнце, алое в тумане,
Как факел к нам заглянет в сад,-
На строй хрустальных колоннад
И на газетовые ткани.
Ты скажешь: “Дедушка-мороз
Колдует в полночь, осыпает
Чело поникнувших берез
И прядь серебряных волос
В их ветки мертвые вплетает”.
Ты скажешь: “Фей разнообразных
Здесь хоровод в ночи вился,
И с ожерелий их алмазных
Упали перлы на леса”.
И не подумаешь, что злобно
Здесь ночью снежная метель

С своею песнею надгробной
Стлала холодную постель;
Что бедных странников знобила,
Что в эту ночь не одного
Она под снегом схоронила,
Сама не зная для чего...
1887

СТАРЫЙ САД

Люблю я этот старый сад,
Он мил, как мгла воспоминанья.
С тоской вливаю аромат
Его осеннего дыханья.
Вздыхаю тихо и грущу,
Входя в забытые аллеи.
Я место милое ищу...
Тропинки, узкие как змеи,
Там, извиваяся, бегут
По склону двух холмов, и вместе
Они сплетаются, где пруд
Блестит, как сталь. На этом месте
Я в раннем детстве отдыхал.
Там гнулись бледные ракиты,
И я под сенью их мечтал.
О чем? Мечты те позабыты!
Но я люблю и до сих пор
Тропинку, узкую как змейку,
И сень раkit, и ту скамейку,
Где уследит прилежный взор
Ножом начерченные строки
Элегий томных при луне,
Когда мне первые уроки

Дарила муза в тишине.

И в час, когда мечта приводит

Меня сюда, вздыхаю я:

Мое младенчество здесь бродит,

Здесь дремлет молодость моя...

1887

«Шумят леса тенистые...»

Шумят леса тенистые,
Тенистые, душистые,
Свои оковы льдистые
Разрушила волна.
Пришла она, желанная,
Пришла благоуханная,
Из света дня сотканная
Волшебница-весна!
Полночи мгла прозрачная
Свивает грезы мрачные.
Свежа, как ложе брачное,
Зеленая трава.
И звезды блещут взорами,
Мигая в небе хорами,
Над синими озерами,
Как слезы божества.
Повсюду пробуждение,
Любовь и вдохновение,
Задумчивое пение,
Повсюду блеск и шум.
И песня сердца страстная
Тебе, моя прекрасная,
Всесильная, всевластная

Царица светлых дум!

1887

«Печально верба наклоняла...»

Печально верба наклоняла
Зеленый локон свой к пруду;
Земля в томленьи изнывала,
Ждала вечернюю звезду.
Сияло небо необъятно,
И в нем, как стая легких снов,
Скользили розовые пятна
Завечеревших облаков.
Молчал я, полн любви и муки,
В моей душе, как облака,
Роились сны, теснились звуки
И пела смутная тоска.
И мне хотелось в то мгновенье
Живою песнью воскресить
Все перешедшее в забвенье
И незабвенное забыть!..
1887

«Блуждая в мире лжи и прозы...»

Блуждая в мире лжи и прозы,
Люблю я тайны божества:
И гармонические грезы,
И музыкальные слова.
Люблю, устав от дум заботы,
От пыток будничных минут,
Уйти в лазоревые гроты
Моих фантазий и причуд.
Там все, как в юности, беспечно,
Там все готово для меня-
Заря, не гаснущая вечно,
И зной тропического дня.
Так, после битв, исполнен дремы,
С улыбкой счастья на устах,
В благоуханные гаремы
Идет усталый падишах.
1887

СТАРЫЕ ЧАСЫ

Меж старой рухляди в лавчонке у еврея,
Где дремлет роскошь бар, сгнивая и темнея,
Где между пыльных ваз и старомодных ламп
Мерцает рамкою весь выцветший эстамп,
Где бледный купидон с отбитою ручонкой
Под паутиною, как под фатою тонкой,
Лукаво шурится в мечтательной тоске,
Где зелень плесени на ярком завитке
Узорных канделябр ложится изумрудом,
Где в томной нежности над золоченым блюдом
Из рамы смотрит лик напудренной красы,-
Стоят, безмолвствуя, старинные часы...
Их маятник молчит, их стрелки без движенья,
И мнится: давние слетают к ним виденья,-
И старые часы прадедовских палат
Припоминают вновь событий длинный ряд,
Тот долгий, смутный сон, ушедший без возврата,
Когда две стрелки их по кругу циферблата
Ползли – минуты, дни, года разя с плеча,
Как два холодные, бесстрастные меча
Суровой вечности... Бывало, в сумрак томный,
Когда дремал угрюмо зал огромный,
И алый свет, колебля, лил камни,

И ветки тощие расшатанных вершин
Из сада темного стучались в окна зала,
И ночь осенняя, как грешница, рыдала,-
Тогда задумчивый владелец тех часов
Печально вспоминал утраченных годов
Разгулом и стыдом запятнанную повесть,
И плакала его встревоженная совесть,
И теплая, никем не зримая слеза,
Слеза раскаянья туманила глаза.
А маятник часов спешил без содроганья
Спугнуть в мрак вечности минуты покаянья.
И зимней полночью, когда в покоях шумных
Гремело пиршество и гам речей безумных
Заздравным звоном чаш был дружно заглушен,
Вдруг дерзко слышался часов докучный звон,
Как жизнь томительный, как старость монотонный,
Напоминая сон толпе неугомонной.
И кубки медленней ходили по рукам,
И гости бледные, поднявши к небесам
Свой утомленный взор, зевая, различали
Сияние утра в посеребренной дали...
А сколько чудных тайн подслушали они
У нежной юности в те ночи и в те дни,
Когда, доверившись бесстрастному их лику,
Влюбленная чета на них, как на владыку
Свиданья краткого, смотрела, торопясь

Последний поцелуй продлить в прощальный час.
И что ж! Прошли года, которые так ровно,
С такой иронией, так зло и хладнокровно
Спешили погубить бесстрастные часы...
И вот – наперсники сатурниной косы-
Они, забытые, как памятник могильный,
Стоят меж рухляди, и циферблат их пыльный,
Как инвалид слепой, не страшный никому,
Глядит бессмысленно в таинственную тьму
Недвижной вечности. И грозный гений тленья
Над ними празднует победу разрушенья.

24 января 1888

У ПЕЧКИ

На огонь смотрю я в печку:
Золотые города,
Мост чрез огненную речку-
Исчезают без следа.
И на месте ярко-алых,
Золоченых теремов-
Лес из пламенных кораллов
Блещет искрами стволов.
Чудный лес недолог, скоро
Распадется он во прах,
И откроется для взора
Степь в рассыпчатых огнях.
Но и пурпур степи знойной
Догорит и отцветет.
Мрак угрюмый и спокойный
Своды печки обовьет.
Как в пустом, забытом доме,
В дымном царстве душной мглы
Ничего не станет, кроме
Угля, пепла и золы...

Январь 1888

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Я узнал весну по блеску голубому
Томных, как мечта, задумчивых ночей,
Но, в душе лелея тайную истому,
Я боюсь весны болезненных очей.
От ее безмолвных и пытливых взоров
В сердце, подымаясь, воскресают вновь
Тень былых обид и боль былых укоров,
Все, что сердце жгло, что волновало кровь.
Я завесил окна темной пеленою,
Растопил камин и свечи я зажег,
Чтоб спугнуть весну обманчивой мечтою,
Зиму залучая в теплый уголок.
Над весной победу торжествуя, грезы
Снова рисовали сердцу моему
В инее пушистом белые березы
И морозной ночи сумрачную тьму,
Скрип саней по снегу и на снеге тени,
Дым, из труб бегущий медленным столбом,
И недвижимый воздух, полный мертвой лени,-
Но недолго был я очарован сном.
За окном шумливо что-то зазвенело,
Точно кто-то юный крылья развернул,
И ворвался в сердце празднично и смело

Пробужденной ночи благозвучный гул.
Я узнал, что это за окном рокошет,
Что стучится в стекла. Это дождь весны!
Он звенит и плачет, он поет и хочет
Властно развенчать обманчивые сны.
О, как страстно сердце сжалось болью жгучей,
И как тускло пламя вкрадчивых свечей!
Я открыл окно: за розовою тучей
Теплилось мерцанье утренних лучей;
За плетнем осины под дождем блестели...
Жгучей влагой слез туманились глаза.
Струны порвались, рыданья зазвенели,
И весенней каплей канула слеза...

27 марта 1888

СОЛОВЕЙ

Был соловей влюблен в весну и зори,
И свил гнездо в смородинном кусте,
И до утра в невыплаканном горе
Он пел любовь, послушную мечте.
Он пел весну, и юность, и надежды...
Заря зарю сменяла в небесах.
Прошла весна. Зеленые одежды
Густых лесов рассыпались во прах.
Седой туман, клубяся, встал над нивой
И улетел влюбленный соловей
К иной весне, к иной стране счастливой,
За ширь и даль полуденных морей.
И бедный куст поник осиротело,
И о певце вздыхая по ночам,
Он шелестел так грустно, так несмело,
Как будто слал упреки небесам.
И, посев от стужи и мороза,
При шуме выюг задумывался он:
Все о певце рождалась в нем греза,
Все о певце слагался светлый сон!..

Апрель 1888

НА НЕВЕ

Нет ночи, а не день. Над сонною Невою
Вечерняя заря румянится тепло,
Но ветер уж пахнул прохладой nocturno
И морщит светлых вод спокойное стекло.
Пурпурным янтарем пылают окна зданий,
Как будто бы там ночь справляет пир весны,
Узоры пестрые далеких очертаний
В лиловый полумрак, как в дым, погружены.
Удавом каменным змеится цепь гранита,
И паутиной мачт темнеют корабли.
Уныло ночь молчит, и грусть кругом разлита,
И слышен вздох небес в молчании земли.
И точно чей-то глаз, как луч любви случайной,
Мне в душу заглянул пытливо и светло,-
И все, что было в ней загадкою иль тайной,
Все в звуки облеклось, все имя обрело.
И страстные мечты, больные до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...
И мнится, что вокруг все пышные хоромы,
Вся эта ночь и блеск нам вызваны мечтой.
И мнится – даль небес, как полог, распахнется,
И каменных громад недвижный караван
Вот-вот, сейчас, сейчас, волнуясь, колыхнется-

И в бледных небесах исчезнет, как туман.

Апрель 1888

ОДУВАНЧИК

Обветрен стужею жестокой,
Еще лес млеет без листвы,
Но одуванчик златоокий
Уже мерцает из травы.
Он юн, и силы молодые
В нем бродят тайною игрой.
Питомец поля, он впервые,
Лобзаясь, встретился с весной.
И смотрит он в часы восхода,
Как ходят тучи в высоте,
Как пробуждается природа
В своей весенней наготе.
А в дни сверкающего лета,
Когда все пышный примет вид
И, темной ризою одета,
Дубрава важно зашумит,-
Смотря на шумные вершины,
На злаки нив и цвет долин,
Он будет ждать своей кончины
Под пыльным венчиком седин.
Тогда зефир, в полях играя,
Иль молодые шалуны
Его коснутся седины,

И он умрет, питомец мая.

Он разлетится, исчезая

Как вздох, прощальный вздох весны!

12 мая 1888

ЗА ГОРОДОМ

Я за город ушел; не слышно здесь движенья,
Не утомляет слух тяжелый стук колес,
И сходит в душу мне бывшее умиление
Давно забытых дум, давно угасших грез.
Ласкают кротко взор пестреющие краски
В синеющей дали разбросанных долин,
И шепчут надо мной пленительные сказки
Дрожащие листья застенчивых осин.
Как старость мирная за юностью счастливой,
Нисходят сумерки за утомленным днем.
Чуть стелется туман над золотистой нивой,
И выются комары трепещущим столбом.
Смотрю я в глубь небес – слежу прилежным взором
За дивною игрой плывущих облаков:
Изменчивы, как жизнь, они своим убором
Капризны, как обман младенческих годов.
И месяц между их рассеянной толпою
Серебряным серпом белеет, а вокруг
Объято все святой, стыдливой тишиною,
И запахом травы благоухает луг.
И точно бледный креп таинственной вуали,
Все шире, все смелей ложится полумгла,
Навстречу первых звезд печально замигали

Чуть видные огни далекого села.

И мнится, те огни со звездами ночными

Задумчиво ведут безмолвный разговор;

Они полны тоской, страданиями земными,

Но светлой тайною мерцает звездный взор!..

15 мая 1888

КОНЧАЕТСЯ!.

Памяти М. П. Фофанова

Кончается!.. Невольно рвется стон,-
Так тяжело, так страшно это слово!
Оно звучит, как погребальный звон
Иль как набат, рокочущий сурово
В молчаньи ночи, возвестивший нам
Пожара дым, бегущий к небесам...
Любовь, и жизнь, и славу отравляя,
Нередко нас преследует оно,
Зияет нам, как бездна роковая,
Все вечностью, все тайнами полно...
Ужасное таинственное слово!
Оно старо, но вечно будет ново-
Кончается!

Мы видим пир: беспечны и светлы
Ликут гости, зал блестит огнями,
Ласкают взор накрытые столы
И винами, и яством, и плодами.
Веселый смех и гам со всех сторон,
И хрусталя дрожащий перезвон.
Но поздно! Зал редееет понемногу.
Смолкает шум. Как пестрые шмели,

Стремятся гости к тесному порогу...
Вот спешно слуги в звучный зал вошли,-
Метут полы, проворно гасят свечи...
Темнеет зал; беседы, тосты, встречи-
Кончаются!

Волнуясь, сверкает море нив,
Журчат ручьи, пестро цветут долины;
К сиянью дня вершины обратив,
Листвой трепещут робкие осины;
И дружных птиц залетная семья
Поет восторг и сладость бытия.
Проходит май; за ним уходит лето,
И острый серп уносит злак долин...
Обожжена, безмолвна и раздета,
Дуброва спит... Лишь с дремотных вершин
Последний лист, кружась, упадает
На мокрый мох... И ветер напевает:
Кончается...

Наш нежный друг волнуется, живет,
Пленяет нас открытою душою;
Мечтает он, а дерзостный недуг
К нему ползет голодною змеею.
И наконец, обвив его кругом,
Томит и жжет горячечным огнем.
Спешите вы к одру больного друга,
Его приют безмолвен и уныл.

Открыта дверь, чуть шепчется прислуга,
Душистый мускус воздух напоил.
Больной лежит и с хриплым шумом дышит,
Вы вздрогнули, – ваш слух невольно слышит:
Кончается...

Земля цветет... Бесстрастные века,
Сметая все, меняют поколения.
Так в небесах меняют облака
Морских ветров суровое брожение...
Кипит борьба и ропщет гордый ум.
Но будет век – замолкнет спор и шум,
Земля умрет. Над снежными морями
Повиснут гор недвижные хребты,
Засеребрясь нетающими льдами.
И род людской, как бред земной мечты,
Исчезнет сном – и даже смерть забудет...
И некому тогда воскликнуть будет:
Кончается!

15 мая 1888

«Заря вечерняя, заря прощальная...»

Заря вечерняя, заря прощальная
На небе ласковом тепло румянится...
Дорога длинная, дорога дальняя,
Как лента синяя, пестрея, тянется.
Мечтаю сумрачно, гляжу рассеянно.
Душа отзывчивей, сны – суевернее...
И, как печаль моя, как дым развеяна
Заря прощальная, заря вечерняя.

17 мая 1888

СМЕРТЬ ШУТА

В смятении двор веселый короля...
Все мрачно в нем; хозяин хмурит брови,
Молчит, печаль с пажам не деля,
Заговорит – досада в каждом слове.
Придворных дам нарядная семья
Близ королевы медленно теснится;
Прекрасный принц вздыхает и боится
За краткий сон земного бытия.
В тяжелых люстрах не блестят огни,
Унылый зал почил в молчаньи строгом...
Немая смерть витает над чертогом,
И дремлет он в таинственной тени.
И лишь в одном готическом окне
Горят лампы и, слезясь воском,
Мерцают свечи... В мрачной тишине
Там труп шута лежит на ложе жестком.
Он, как мудрец, как резвое дитя,
Свой век провел – беспечно и шутя.
Воспитанный средь роскоши дворцовой,
При шепоте завистливых льстецов,
Он не любил ни славы, ни чинов,
Питая сердце мудростью суровой,
И что имел – все бедным раздавал...

Трофеи шуток: золото, алмазы,
Из царских рук подаренный фиал,
Расшитый плащ, затейливые вазы-
Все нес он в дар голодной нищете...
И многие в смеющемся шуте
Защитника и друга находили...
Он был один пред хмурым королем
Заступником несчастных – и о нем
Не раз бедняк поплачет на могиле...
Вот он лежит, недвижимый и немой,
Презревший жизнь, и роскошь, и покой.
В одном углу сквозь сонный полумрак
Виднеется истрепанный колпак,
В другом углу – заплатанная тога...
Ничтожный шут, играющий давно ль
На пиршествах бессмысленную роль,
Теперь уснул в величьи полубога!
Еще не смело тление могил
Его чела холодного коснуться,-
Уже не раз, бояся улыбнуться,
Король к одру любимца подходил,
И на него смотрел прилежным оком,
И отходил в молчании глубоком...
И думал он: в какой облечь наряд
Тебя, мой друг? Ты кончил жизнь земную...
В твоих чертах читаю жизнь иную,

Ты мудростью и святостью объят...

Тебе чужда земная суета,

Как ветхий плащ, ты бросил мир наш тленный!..

И повелел усопшего шута

Король одеть в наряд свой драгоценный...

Май 1888

Л. Н. ТОЛСТОМУ

Я знаю мир души твоей,
Земному миру он не сроден:
Земной мир соткан из цепей,
А твой, как молодость, свободен.
Не золотой телец твой бог,
Не осквернен твой храм наживой.
Ты перед торжищем тревог
Стоишь, как жрец благочестивый.
Ты как пророк явился нам,
Тебе чужды пороки наши,
И сладкой лести фимиам,
И злом отравленные чаши.
Ты хочешь небо низвести
На нашу сумрачную землю...
Остановясь на полпути,
Тебе доверчиво я внемлю.
Слежу за гением твоим,
Горжусь его полетом смелым,
Но в изумленье оробелом
Не смею следовать за ним!

11 июня 1888

В ДОРОГЕ

Верста, еще верста! Назад я бросил взор,
Селенье скрылося за желтый косогор,
Лишь церкви дальней крест сверкает в высоте,
Да космы чучела желтеют на шесте,
Как привидение, и дымных тучек стая
Несется медленно, свой очерк изменяя...
Я дальше ухожу... Верста, еще верста!
Как знойный океан, сверкает высота.
Я бросил взор назад – уж нет вдали селенья,
Лазурью сонное сверкает отдаленье,
И небо знойное, лобзаясь с землей,
Как тайну прячет даль... Так годы чередой,
Как версты пестрые, проходят перед нами,
И смотрим мы назад пугливыми очами;
Но память бледная, как синий небосклон,
Скрывает прошлого невозмутимый сон...
И только дни любви, как крест далекий храма,
На небе бытия спокойно и упрямо
Сверкают дольше всех внимательным очам,
И смотрим мы вперед, и небо видим там.

25 июня 1888

ВДОХНОВЕНИЕ

Как хорошо, при лампе одинокой,
В тиши ночей обдумывать свой труд!
Душа кипит, и образы – плывут,
Как Млечный Путь, толпою звездоокой.
Младенческий и сладостный восторг
Стесняет грудь. Слеза дрожит во взоре.
Счастливая! Бог грез ее исторг
Из родников растаявшего горя.
Еще к земле прикован чуткий слух,
Но к небесам уже подняты крылья.
Еще порыв, еще одно усилие,
И новый мир объемлет гордый дух.
Для жарких снов раскрыт чертог ума,
И памяти рассеянная тьма
Яснеет вновь... Былое – воскресаёт.
Но кончен труд, остыл сердечный жар.
Развеялись виденья милых чар...

Алтарь погас... И жертва – остывает...

2 июля 1888

«Вдали, как чуткий страж, почиет лес безмолвный...»

Вдали, как чуткий страж, почиет лес безмолвный
Стеной узорною; румянец золотой
Угаснувшего дня не тает в бездне, полной
Глубокой вечностью и звездной глубиной.
И тихо в небесах, и тишина немая
Объемлет ласково спокойный мрак долин,
Лишь слышно, как река шумит, не умолкая,
Стремясь расторгнуть плен стеснительных плотин.
Но в чуткой тишине так много тайной жизни,
Что кажется, мой друг, оставленный вдали,
Ко мне твой тихий вздох и ропот укоризны
Ночные ветерки, волнуясь, принесли.
25 июля 1888

СОН

Мне снилось: мы шли по степи ароматной,
Кругом темнела ночь спокойная; вдали
Теснились выси скал. В лазури необъятной
Горели зерна звезд – светильники земли.
И чувствовали мы, что с нами кто-то рядом,
Чуть зримый, молодой, таинственно идет;
Он не блистал красой и не блистал нарядом,
Он тих и бледен был, как месяц в лоне вод.
Нам было хорошо со спутником туманным,
Казалось, он сердца восторгом обжигал;
Но вот шатнулся мрак шатром благоуханным,
И дымная роса поднялась от скал...
И спутник наш поплыл с неверными тенями.
Он к небу улетал, в лазоревое дно,-
И там, где он исчез, – как светлое вино,
Разлилася заря багряными струями.
И стало грустно мне... И, в страхе пробужденный,
Я жадно стал искать разгадки тайной сна...
И вот увидел я, печальный и смущенный,
Что у тебя в косе мерцает седина.
Я разгадал свой сон!.. То юность улетела,
Как спутник призрачный!.. О, друг мой дорогой!
Она покинуть нас совсем еще не смела

И светит издали нам тихою зарей...

Август 1888

ХУДОЖНИК

Посвящается И.Е.Репину

Он мертвый холст волшебно оживлял
Послушной кистью перед нами...
Мы видели моря, и кручи темных скал,
И стаи облаков, играющих с волнами.
Исполнен творчества, покорствуя мечтам,
Он всюду проникал своим духовным взором,
И снова открывал испуганным очам,
Что вечность навсегда для нас закрыла флером.
Под кистью властною вставляли из гробниц
Цари, томимые раскаяньем невольным,
Пророки бледные, склонившиеся ниц
Перед святынями в восторге богомольном,
Мы казни видели, и видели пиры,
И кельи темные отшельников унылых.
В затишье шумных битв зажженные костры
И вдов заплаканных на родственных могилах.
Пред нами умирал царевич молодой,
Родительским мечом до времени сраженный,
И клялся и скорбел перед печальной донной
Жуан, волнуемый и страстью и тоской.
Мы видели в цепях смиренных христиан

И грубых палачей с кровавыми мечами.
Мы видели певца: над звучными волнами
Стоял он, звучными мечтами осиян...

...

Сентябрь 1888

СТАНСЫ

И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тоска.
Не ведают, что рушат и что строят!
Слепая страсть, волнуясь, живет,
А мысль – в тиши лениво прозябает.
И все мы ждем от будничных забот,
Чего-то ждем... Чего? Никто не знает!
А дни идут... На мертвое “вчера”
Воскресшее “сегодня” так похоже!
И те же сны, и тех же чувств игра,
И те же мы, и солнце в небе то же!..
Октябрь 1888

«Была ль то песнь, рожденная мечтою...»

Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта,-
Не знаю я, но в этот миг со мною
Роднились добро и красота.
От светлых дум сомненья исчезали,
Как легкий дым от гаснущей золы;
Я был далек от сумрачной печали,
От злых обид и дерзостной хулы.
Я мир любил, и был любим я миром;
Тая в душе неугасимый свет,
Я в бездне бездн носился по эфирам,
С толпою звезд, за сонмищем планет.
И видел я пленительные тайны
Бессмертного, божественного сна...
Я постигал, что зло и смерть случайны,
А жизнь с добром – и вечна и сильна.
Я ликовал смущенною душою,
И жар молитв сжигал мои уста...
Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта?...

НЕ ОТХОДИ ОТ МЕНЯ!

Не отходи от меня,
Пой или смейся со мною
Ранним сиянием дня,
Поздней зарею!
Пусть истерзала печаль
Сердце твое молодое,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.